

Понимание смысла жизни Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским

Основная литература: письма, дневники, «Исповедь» Л.Н. Толстого, письма и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского.

ФИО в скобках – для ознакомления с авторами цитат.

Лев Николаевич Толстой – Евгения Сенина
Федор Михайлович Достоевский – Дина Радюшина
От автора – Николай Гарбар
Мудрейший 1 – Виктория Воробьева
Мудрейший 2 – Александра Ломова

Мудрейший 1 от имени Ф.М. Достоевского: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой». (Пауза) Лев Николаевич Толстой – «огромный талант, значительный ум и весьма уважаемый интеллигентную Россией человек».

Мудрейший 2 от имени Л.Н. Толстого: Меня называют «проницательным знатоком человеческой души». (Пауза) «Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. ...Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне дорог, и я плакал, и теперь плачу».

Мудрейший 1: Каждый отдельно взятый человек является частичкой всего человечества, а основанием жизни человечества является духовный мир. Несмотря на то, что все люди по-разному осмысливают свое существование в мире, не должно быть разделения смысла жизни человека и смысла жизни человечества, они существуют одновременно и синхронно.

Мудрейший 2: Обращаясь к биографическим данным писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, возможно выявить особенности понимания ими смысла жизни в процессе жизнетворчества.

От автора: Лев Николаевич Толстой и Федор Михайлович Достоевский, с жадностью читая произведения друг друга, искренне мечтая о знакомстве, так ни разу и не встретились... Преодолев пространство и время, представим себе эту долгожданную встречу и беседу двух писателей из прошлого с позиций настоящего.

Сцена I. Встреча. Воспоминания о детстве и юности

Выходят по очереди (сначала Достоевский, потом Толстой). Достоевский приветствует Толстого.

Достоевский: Неужели нашей встрече суждено-таки было случиться, уважаемый Лев Николаевич!

Толстой: Ну вот, наконец-то встретились два «великих» второй половины XIX века! А ведь она могла состояться еще в 1878 году, когда мы оба – помните? – присутствовали на публичной лекции Владимира Соловьева о Богочеловечестве, но наш общий друг философ и критик Страхов по ему только ведомым соображениям не считал нужным представить нас тогда друг другу!

Достоевский: А через два года Тургенев и Григорович отговорили меня ехать к Вам в Ясную Поляну, заявив... простите, что Вы, по всей видимости, сошли с ума...

Толстой (задумчиво-сердито): Да, многие тогда так думали, и до сих пор исследуют причины моего разлада с семьей, уход из дома... (**Смягчая пыл**) Но об этом мы еще успеем поговорить! А вот **Вы**, дорогой Федор Михайлович, и **я** – оба дворяне. Но если вашему папеньке дворянство было присуждено за трудовые заслуги, а Вы, переняв титул, умудрились его потерять, связавшись с петрашевцами!, то я – дворянин, граф! **по роду** своему, что, конечно же, гораздо более ценится в высших кругах! У меня мой титул никто никогда не сможет отнять!

Достоевский: (задумчиво, без назидания в адрес Толстого): Многие знают выражения «Не причиняй другим того, чего не хочешь, чтобы они причинили тебе», или «Поступай по отношению к другим так, как хочешь, чтобы они поступали по отношению к тебе». Но порой легче тысячу раз произнести эту этическую формулу, чем один раз всерьез поступить в соответствии с нею, не испытывая при этом чувства, что совершаешь подвиг самопожертвования...

Толстой (с раскаянием): Ах, эти мои гордыня и тщеславие и теперь мне покоя не дают! Вы уж извините мне, пожалуйста, Федор Михайлович, мою простоту. Что думаю, то и говорю. Скольких людей в своей жизни я этим обидел...

Достоевский: Не стоит извиняться. И я 18-ти – 19-ти лет от роду замечал в себе некоторые отголоски честолюбия, особенно когда меня начали хвалить за первые литературные победы. Помню, брату писал (**читать**): «Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное. ...У меня бездна идей. ... я откровенно тебе скажу, что я теперь упоен собственной славой своей». Но это все по молодости, когда еще только набираешь силу и высоту...

Толстой: Да, рано или поздно начинаешь задумываться о добре и зле, любви, нравственности, свободе. Ведь и **Вы**, и **я** воспитаны в христианстве, в вере.

От автора: В XIX веке еще было сильно влияние христианства на все стороны жизни человека, на характер взаимоотношений людей. Родители собственным примером старались привить детям здоровое религиозное чувство, сформировать стремление к духовному развитию. Они были первыми наставниками своих детей в вопросе вероучения. Дворянское воспитание было традицией, которую не обсуждали, а соблюдали. Дворянские дети воспитывались в обстановке повышенной требовательности и одновременно подчеркнутого доверия.

Толстой: О своем детстве я могу откровенно сказать, что в целом оно было радостным и счастливым благодаря добродушно-насмешливому характеру отца. Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей с детства. Но тогда я имел только **ДО-верие** к тому, чему меня учили, поэтому оно было очень шатко. Однажды от мальчика лет одиннадцати я услышал, что бога нет и что все, чему нас учат, одни выдумки.

Достоевский: Тогда же произошло ваше «отпадение от веры»?

Толстой: Оно произошло во мне так же, как происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования: люди живут так, как все живут, а живут не по вероучению. Когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили.

Мудрейший 1: *Во всякой жизни есть неизбежное скрещение двух основных направлений жизненного стремления: горизонтального, характеризующего*

обыденное стремление человека к жизни, и вертикального, олицетворяющего вечное стремление человека к Богу. Дерево, которое всею своею жизненной силою поднимается от земли к солнцу и в то же время стелется вдоль земли горизонтальными ветвями, представляет собою как бы наглядное символическое выражение в пространстве того же скрещения, которое совершается и в жизни духа (философ Евгений Николаевич Трубецкой). (Может быть декорация с рисунком дерева.)

Толстой (горячо, порывисто, вставая): Отказавшись от веры, но в стремлении обрести веру в самого себя, я занялся самосовершенствованием. Весной 1847 года подал прошение об увольнении из университета, уехал в Ясную Поляну с твердым намерением изучить весь курс юридических наук, чтобы сдать экзамен экстерном, «практическую медицину», языки, сельское хозяйство, историю, географическую статистику, написать диссертацию и достигнуть высшей степени совершенства в музыке и живописи.

Достоевский (перебивая в задумчивости): Моя вера в детстве и юности, тоже, наверно, не до конца еще была осознана. Мать учила меня читать по ветхозаветной книге. Отец воспитывал нас, детей, в страхе, послушании и повиновении, из-за чего, возможно, у меня на всю жизнь остались чувство вины и мучительные сомнения во всем, за что бы я ни брался, развились мнительность и подозрительность. С 12 лет я обучался в одном из пансионов Санкт-Петербурга. Я много читал, оторванный от дома. Погружение в мир книг стало для меня своеобразным «убежищем» от тягостных условий жизни.

Толстой: Я тоже много читал и проявлял недюжинную любознательность. При этом мой образ жизни в тот период часто менялся: то я сутками готовился и сдавал экзамены, то страстно отдавался музыке, то намеревался начать карьеру чиновника, то мечтал поступить юнкером в конногвардейский полк. Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что единственной моей верой тогда была вера в самосовершенствование.

Достоевский: Но это же похвально – стремиться к самосовершенствованию!

Толстой: Да, но я стремился не к **нравственному** совершенствованию, не быть лучше перед самим собой, перед богом, а – быть лучше перед другими людьми, быть славнее, важнее, богаче других. У меня была вера только в себя и свои силы.

Достоевский: Что касается веры, то, как мне кажется, в моей жизни она всегда присутствовала. И даже в своих письмах к отцу, брату я все время упоминал имя бога. Помню, в одном из ранних писем к брату я писал: «Ах, милый брат, пиши мне, ради Бога...»; «дай-то Бог тебе...»; «Бог тебе судья». Вера в Бога для меня, наверно, была той путеводной нитью, которая вела, поддерживала тогда в трудные моменты жизни. В конце концов, она стала главным смыслом моей жизни.

Толстой: Я не думал тогда о смысле жизни. Но я вел дневник, в котором отражались мой мучительный самоанализ и борьба с собой.

Достоевский (тоже встает): «Дневник» я начал писать уже в зрелом возрасте, но уже как литературное издание. В самом себе мне уже давно было многое ясно и понятно. А тогда, в 17 лет, после окончания пансиона, я поступил в Главное инженерное училище, где и оформились мои первые литературные замыслы. Вокруг меня, замкнутого, мало общительного, как-то сам собою сложился круг единомышленников, который вырос в литературный кружок, центром которого оказался... я!..

(Достоевский и Толстой уходят)

Сцена 2. Ранняя зрелость

Мудрейший 1: В юности остро проявляется проблема выбора жизненных ценностей, поиска смысла жизни.

Мудрейший 2. В юности еще отсутствует необходимый багаж жизненного опыта. Для этого наполненного различными переживаниями периода жизни характерно формирование и поиск своего места в этом мире.

(Входит Достоевский, садится)

Толстой (вбегая и обращаясь к Достоевскому): Я всю душу желал быть хорошим! Но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один...

Когда в 26 лет я приехал после войны в Петербург и сошелся с писателями, на второй и в особенности на третий год такой жизни я стал сомневаться в собственной значимости; осознал, что **Я**, художник, поэт, писал, учил, сам не зная чему, – но ведь мне за это платили деньги. Я чувствовал себя чужим в этой среде. И тогда «люди эти мне опротивели, и сам себе я опротивел». С тех пор писательство для меня всегда оставалось на втором плане.

Достоевский: А что же на первом?

Толстой: О, это очень сложный вопрос... Думаю, что я смогу ответить Вам, но опять же позже, а пока расскажите еще немного о себе.

Достоевский: Вы, может быть, хотели бы знать, чем я занимался, когда не писал? – Читал. И чтение странно действовало на меня. Что-нибудь, давно прочитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во все, отчетливо понимаю и сам извлекаю умение создавать.

В 22 года вышел в отставку в связи с решением посвятить себя литературе. В письме брату я писал: «Теперь я свободен». Жизнь вселяла надежду. Но потом случилось ЭТО...

От автора: В 28 лет Ф.М. Достоевский стал участником нелегального социалистического кружка Петрашевского. Он был арестован и приговорен к расстрелу. В числе других осужденных он был выведен на Семеновский плац в Петербурге, где всем им был зачитан рескрипт о помиловании и замене смертной казни каторгой в Сибири. После известия о замене расстрела каторгой 22 декабря 1849 года Федор Михайлович писал брату:

Достоевский (достаёт из конверта письмо, сначала читает, потом наизусть): «Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. ...Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь!.. Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но

вынесет ли тело: не знаю. Я отправляюсь нездоровый, у меня золотуха. ...Будь что будет! ...Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу! Как оглянусь на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, – так кровью обливается сердце мое. Жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла быть веком счастья. ...Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое».

Толстой: Да, брат, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, задача ее...

Достоевский: На каторге я думал: неужели никогда я не возьму пера в руки? Если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и – перо в руках! Мне надо было жить, несмотря ни на что, чтобы не бесплодно прошли эти годы. Мне нужны были деньги и книги.

От автора: В дальнейшем к работе Ф.М. Достоевского все время подстегивала нужда в материальных средствах, которых ему всегда не хватало. Потом, в зрелом возрасте, проявилась самая большая его «слабость» – страсть к игре в рулетку как возможность получения «легких денег», желание хоть немного пожить свободно, легко... Сколько раз ему приходилось занимать у брата, знакомых, и как ему всегда было в связи с этим стыдно и гадко! И продолжал писать, потому что жизни не мыслил без постоянного кропотливого труда. Поэтому «пробелов» в литературном творчестве у него практически не было.

Л.Н. Толстой, считая писательство «пустяками», временами терял вдохновение. Когда возникало некоторое ослабление в литературном творчестве, он обращался к педагогической деятельности, где также проявлял себя как высоко творческий человек.

Толстой: В периоды «творческого голодания» заменой литературе всегда становилась педагогическая деятельность. В 28 лет я вышел в отставку в чине поручика, после того как принял участие в обороне Севастополя (чуть позже мной

были написаны «Севастопольские рассказы»). Сначала я уехал в Ясную поляну, потом съездил за границу (в Швейцарию). По возвращении в 1859 году я открыл в деревне школу для крестьянских детей и помог устроить более 20 школ в окрестностях Ясной Поляны. Это занятие настолько увлекло меня, что уже в следующем 1860 году я вторично отправился за границу, но уже для ознакомления со школами Европы, где изучал популярные педагогические системы, впрочем, мне не приглянувшиеся.

Достоевский: А я никогда не был расположен к педагогической деятельности, в отличие от Вас, Лев Николаевич. Будучи на каторге, я утвердился в том, что основным смыслом моей жизни, как Вы уже, наверно, поняли, будет литературное творчество. Но спустя годы я также осознал, что семья, близкие играли очень важную роль в моей жизни. В тот злополучный 1864 год я потерял сначала жену, потом брата, к которому всегда обращался за помощью, когда мне было плохо. «И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было все, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, все чуждое, все новое и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально мне не для чего оставалось жить».

Толстой: Вот и я, думая, что дела идут хорошо, чувствовал, что я умственно не совсем здоров и долго это не может продолжаться. И, может быть, тогда уже я бы пришел к тому отчаянию, к которому пришел в 50 лет, если бы у меня не было этой стороны жизни, о которой только что говорили Вы. Стороны, еще не изведанной и обещавшей мне спасение, – семьи, жизни семейной. Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время в семье, в жене, детях и потому в заботах об увеличении средств жизни. Давайте на этой счастливой ноте, дорогой Федор Михайлович, задержимся подольше, немного прогуляемся и поговорим о чем-нибудь прекрасном (*Уходят. Мудрейшие занимают их места и вступают как бы в диалог*).

Мудрейший 1: *Смысл жизни – это идея, содержащая в себе цель жизни человека, «присвоенная» им и ставшая для него ценностью чрезвычайно высокого порядка (Виль Эммануилович Чудновский).*

***Мудрейший 2:** Смысл жизни может заключаться в достижении счастья. Но счастье нужно искать не в удовольствиях, поскольку удовольствие – это не цель наших стремлений, а лишь следствие их удовлетворения (Виктор Франкл); с точки зрения этических добродетелей «счастье состоит в достижении блага, а благо есть не наслаждение, а сообразная с добродетелью деятельность» (Аристотель).*

***Мудрейший 1:** Счастье – не в деньгах. Деньги сами по себе не должны быть целью, но могут служить средством для достижения цели. «Деньги, правда, не приносят счастья, но действуют чрезвычайно успокаивающе. Они дают независимость, ...а это еще больше» (Эрих Мария Ремарк).*

***Мудрейший 2:** Смысл жизни определяется целями и жизненными ценностями. Смысл жизни – это не только настоящее, но и будущее. Не бывает одного смысла в жизни, их много, больших и малых, где одни подчинены другим.*

(Мудрейшие встают на свои прежние места)

Сцена 3. Поздняя зрелость

(Входят Достоевский и Толстой)

Достоевский: На каторге я так много промечтал и продумал о прошедшем и будущем, что со временем осознал, что в несчастье яснее истина. Бог посылал мне иногда минуты, в которые я совершенно был спокоен... И в такие минуты я сложил в себе символ веры... Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа... и не может быть.

Толстой: То же случилось и со мной, но гораздо позже вашего. Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельною внутреннею болезнью. Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было. Я сам не знал, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь от нее и между тем чего-то еще надеялся от нее. И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем: это было тогда, когда мне не было 50-ти лет. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение. Я был уважаем близкими и

знакомыми. При этом пользовался силой и умственной, и телесной. Телесно я мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми – десяти часов подряд.

Достоевский: Но что же в действительности помогло Вам выйти из душевно-духовного кризиса?

Толстой: Пока я не жил своей жизнью, а **чужая** жизнь несла меня на своих волнах, отражения жизни в зеркальце искусства доставляли мне радость, веселили меня, и я верил, что жизнь имеет смысл. Но когда я стал отыскивать смысл своей собственной жизни, зеркальце это стало мне не нужно, излишне, мучительно. Я начал читать Сократа, Соломона, Шопенгауэра, но так и не мог избавиться от мысли, что жизнь человека не имеет смысла! Она бессмысленна! Я долго жил в этом сумасшествии, что лучшее, что я могу сделать – это повеситься. Однажды мысль эта пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни.

Достоевский: Что же случилось, что Вы передумали и опять захотели жить?

Толстой: Я понял, что не хочу торопиться! Мне хотелось употребить все усилия, чтобы распутаться! И вот тогда я, **счастливый человек**, вынес из своей комнаты шнурок, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни.

Достоевский: Как же развивались ваши мысли дальше?

Толстой: Да, я осознал, что жил паразитом. Оглянулся шире вокруг себя. Вгляделся в жизнь прошедших и современных огромных масс людей. И я увидел таких, понявших смысл жизни, умеющих жить и умирать, не двух, трех, десять, а сотни, тысячи, миллионы! Различные по уму, образованию, положению, они знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро. Значит, «...искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу

жизнь». И я стал сближаться с верующими из бедных, простых, неученых людей, с странниками, монахами, раскольниками, мужиками.

Достоевский: Эти же мысли выгнали Вас из дома в конце жизни и направили в Оптину пустынь?

Толстой: Теперь уже не помню, дорогой друг Федор Михайлович, всех своих тогдашних мыслей... Скажу только, что по христианскому учению «жизнь человеческая есть постоянное увеличение его сознания любви», а вера придает смысл жизни. Сущность всякой веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

Достоевский (подходит к Толстому): Полностью согласен с Вами, Лев Николаевич. Я полагаю, что основная и самая высшая идея человеческого бытия заключается в необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой. (*Уходят*)

Возможный эпилог

Мудрейший 1: *«Когда приходит мысль о смерти, то думаешь так: есть еще жизнь за смертью... Вот есть жизнь после смерти, в сознании, в памяти народа. Если я при жизни делал что-то важное, бессмертное, то этим уже я заслужил ту, другую жизнь – жизнь после смерти...»*

(Муса Джалиль, татарский поэт).

От автора:

*«Пусть чего-то в жизни не добился,
Пусть не смог, не смел, не дотянул,
Пусть ошибся, пусть не доучился,
Пусть не там, не так, не в тех влюбился,
Пусть не ту мелодию тянул.
Знаю я: дорогой в неизвестность
С теми, кто со славою дружил,
Я один пойму, что значит слово «вечность».
Я не лез, не двигался, Я – жил!»*

(философ Коган Лев Наумович, 1961г)

Мудрейший 2:

*Увянет цвет, и молодость увянет,
И мудрость, - все пройдет, любое благо*

*По истеченьи срока перестанет,
Ничто не может бесконечно длиться.
Потребна сердцу легкость и отвага:
Проститься весело, начать сначала
Другую, незнакомую страницу.
Раз жизнь зовет, то, значит, ей виднее.
Началу же и благодать пристала,
И помощь, и защита вместе с нею.
Нам на пути не стоит приживаться.
Пространство за пространством оставляя,
От Духа мирового нам такая
Задача: по ступеням подниматься.
В каком-то круге стоит засидеться –
Привычка угрожает и сонливость.
Без сожаленья надо сняться с места,
В котором мы случайно приютились.
А смерть, когда в нее точней всмотреться,
Опять началом, может, обернется,
И жизни зов вовек не оборвется...
Простись, и выздоравливай же, сердце!
(Герман Гессе. Ступени)*